Сената, состоявшагося 18-го октября 1877 — 23-го января 1878 года, Брешко-Брешковская была присуждена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ. Въ 1881 году Брешко-Брешковская за побѣгъ вновь была приговорена къ каторжнымъ работамъ на заводахъ на 4 года.

Поселившись въ Лондонѣ, Чайковскій въ 1890 году принялъ участіе въ образованіи въ Лондонѣ «Общества друзей свободы въ Россіи». Общество это издавало ежемѣсячный журналъ «Free Russia» («Свободная Россія»), печатавшійся на англійскомъ языкѣ, и имѣвшій цѣлью поддерживать среди англійскаго общества агитацію, направленную противъ русскаго правительства. Съ тою же цѣлью нѣкоторые члены этого сообщества, какъ напримѣръ, извѣстный государственный преступникъ С. Кравчинскій-Степнякъ, разъѣзжали по городамъ Англіи и Америки, и читали лекціи о русскомъ революціонномъ движеніи и бытѣ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ, собирая пожертвованія въ пользу русской революціи, и организуя въ разныхъ городахъ мѣстные отдѣлы «Общества друзей свободы въ Россіи» Въ 1893 году это «Общество друзей свободы въ Россіи» возникло и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Кромѣ того Чайковскій являлся однимъ изъ основателей возникшаго въ 1891 году общества «Фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ». Фондомъ этимъ издавались на русскомъ языкѣ «Летучіе листки», выходившіе періодически, и отдѣльныя брошюры: «Подпольная Россія», С. Степняка-Кравчинскаго, сборникъ «За сто лѣтъ» и др. Независимо отъ издательской дѣятельности общество это принимало непосредственное участіе и въ рабочемъ движеніи въ Россіи, что видно напримѣръ, изъ помѣщеннаго въ № 33 «Летучихъ Листковъ», отъ 30 іюля 1896 года, воззванія «Фонда» о направленіи къ нимъ сочувствующими пожертвованій въ пользу бастовавшихъ тогда въ Россіи рабочихъ, причемъ Комитетъ ручался за то, что деньги, присланныя ему для стачечниковъ, дойдутъ по назначенію. Въ приложенныхъ къ дознанію номерахъ «Летучихъ листковъ Фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ», вышедшихъ въ періодъ времени съ 18-го января 1896 года по 19 ноября 1898 года, имѣется цѣлый рядъ статей Чайковскаго. Статьи эти, нося ярко агитаціонный характеръ, проникнуты глубокой ненавистью къ Самодержавному строю Россійской Имперіи и содержатъ въ себѣ заочное оскорбленіе особы царствующаго Императора и дерзостное неуваженіе къ Верховной Власти. Въ № 39 «Летучихъ Листковъ», отъ 20-го мая 1897, въ статьѣ «Что намъ дѣлать» Чайковскій, послѣ указанія, что въ Россіи наблюдается «усовершенствованная самодержавная форма капитализма, созданная для эксплуатаціи рабочаго народа бюрократіей за одно съ капиталистами», и выраженнаго сомнѣнія «хватитъ ли у великаго народа силъ и творчества вынести на своихъ плечахъ этотъ титаническій искусъ цивилизаціи», говоритъ: «во всякомъ случаѣ для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, какъ и для всѣхъ искреннихъ друзей русскаго народа, такъ и для него самого, не можетъ быть двухъ рѣшеній» — необходима борьба съ самодержавнымъ правительствомъ и государственнымъ капитализмомъ путемъ учрежденія экономическихъ и политическихъ организацій. Въ № 40 тѣхъ же Листковъ отъ 28-го іюля того же года, въ статьѣ «Терроръ безъ террористовъ», Чайковскій, отмѣчая «появленіе въ заграничной прессѣ боевого террористическаго знамени», между прочимъ, пишетъ: «до тѣхъ поръ, пока самодержавіе будетъ цѣпляться въ Россіи за народное невѣжество и совершать ежедневныя и ежечасныя насилія не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ цѣлой націей, террористическому принципу въ ней всегда будетъ мѣсто, въ критическіе моменты онъ всегда будетъ единственнымъ возможнымъ революціоннымъ оружіемъ». Въ № 44 тѣхъ же Листковъ, изданныхъ 19-го ноября 1898 года, въ статьѣ «Наканунѣ бури», Чайковскій, приписывая русскому Правительству «чисто террористическіе пріемы управленія» и «государственную провокацію», говоритъ, что «бѣлый терроръ взываетъ къ красному», и что «рабочее движеніе рано или поздно будетъ вынуждено вступить въ прямую борьбу съ этимъ самымъ организованнымъ россійскимъ насиліемъ и притомъ пользуясь тѣмъ же оружіемъ, какимъ не стѣсняется теперь пользоваться оффиціальная власть въ Россіи».

Въ 1897 году Чайковскій явился однимъ изъ участниковъ образовавшагося въ средѣ политическихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ «постояннаго комитета для сбора пожертвованій въ пользу всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ въ Россіи и Сибири», «гонимыхъ самодержавіемъ, какъ за политическую дѣятельность, такъ и за коллективную экономическую борьбу съ капитализмомъ».

Въ 1896 году Брешко-Брешковская получила право повсемѣстнаго жительства въ Россійской Имперіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній. Вотъ какъ описываетъ она свое возвращеніе въ Россію и первые годы своей въ ней дѣятельности. «Человѣкъ — пишетъ она — который принималъ участіе въ длительной исторической работѣ, при самомъ ея возникновеніи, который имѣлъ желаніе и возможность слѣдить за ея ходомъ, то вблизи, то издали, который по мѣрѣ наблюденія и изученія вопроса, занимающаго его, все болѣе и болѣе убѣждался въ возможности благопріятнаго его разрѣшенія, — не можетъ оставаться равнодушнымъ къ дальнѣйшей судьбѣ начатой имъ, совмѣстно съ другими, работѣ и будетъ отдавать ей и впредь всѣ свои чувства и силы. Такъ случилось и съ нами, старыми борцами за свободу и счастье народа нашего. Сибирь не заставила насъ забыть трудовой народъ, тюрьма не отбила у насъ охоты служить его освобожденію. Вотъ почему, приближаясь къ Уралу, въ ожиданіи окончанія срока ссылки, я внимала каждому голосу, каждому печатному слову, каждому извѣстію, которое могло бы пояснить и обрисовать, хоть сколько-нибудь, тѣ вопросы и задачи, надъ которыми столько приходилось болѣть и работать. И понятно, что для меня, какъ человѣка съ дѣтства знакомаго съ жизнью нашего крестьянства, затѣмъ всю молодость свою (отъ 17 до 27 лѣтъ) занимавшагося культурно-просвѣтительною дѣятельностью для темной деревни и, наконецъ, вступившаго въ ряды революціонной арміи, главнымъ образомъ для спеціальной революціонной пропаганды среди крестьянъ и для организаціи, если это окажется возможнымъ, боевыхъ кадровъ въ ихъ средѣ, понятно, что для меня вопросъ о томъ, что представляетъ собою русскій крестьянинъ и какъ относится къ нему русская интеллигенція — былъ всегда особенно, нарочито важнымъ вопросомъ. Вторая часть вопроса, то есть какъ интеллигенція относится въ данное время къ мужику, въ большой степени уже выяснилась для меня еще въ Сибири, даже въ Забайкальѣ. Вновь прибывшіе ссыльные приводили свои разсказы о томъ, какъ революціонныя группы русской интеллигенціи пришли въ своихъ изысканіяхъ наилучшихъ способовъ соціально-революціонной борьбы къ тому выводу («обоснованному» якобы непогрѣшимыми научными данными), что русскій, какъ и всякій другой крестьянинъ, неспособенъ воспринять соціально-революціонное ученіе, не только вслѣдствіе своей умственной неподготовленности, но и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своего экономическаго положенія, какъ собственника (частнаго, или общиннаго — все равно) своего земельнаго участка». Далѣе Брешко-Брешковская разсказываетъ о происходившихъ въ Томскѣ, Тобольскѣ и Тюмени собраніяхъ молодежи, на которыхъ она присутствовала, и гдѣ поднятые ею вопросы «о мужикѣ» и «террорѣ» вызывали на лицахъ молодежи или негодованіе или презрительное сожалѣніе къ выжившему изъ ума человѣку» и затѣмъ продолжаетъ: «Я мало спорила и мало горячилась. Я понимала

ТОВАРИЩИ! ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТЪ ДАЧИ ПОКАЗАНІЙ!